

МЫ АРИСТОКРАТИЯ ЧАСОВОГО ПРОИЗВОДСТВА ПЬЕР ЖАК, DE BETHUNE

De Bethune
DB28 Steel Wheels

Механизм DB28 —
один из шедевров
Дени Флажолле

у de bethune есть все: мастерство, узнаваемость, художественное качество и слава настоящей мануфактуры

Пьер Жак вновь встал во главе De Bethune, в которой он директорствовал до 2015 года, составляя революционную тройку со своими коллегами: хозяином марки Давидом Занеттой и часовщиком Дени Флажолле. Когда в прошлом году Давид Занетта решил продать свою долю в компании, Пьер Жак выкупил марку, в будущее которой всегда верил.

— Вы много лет проработали с часами и часовщиками. Сначала как журналист, один из создателей швейцарского часового журнала GMT. Как продавец часов — в качестве руководителя женевского филиала магазинов Ambassadeurs. Как общественный деятель — руководя работой жюри Grand Prix d'Horlogerie de Geneve. Вы много сил отдали De Bethune, потом другой независимой часовой компании MCT, и вот вы снова у руля De Bethune. Это будет новая марка?

— Наоборот. Это будет та самая De Bethune, которую все так любили. Честно говоря, не так уж много надо поменять. У этой марки есть все: мастерство, узнаваемость, художественное качество и слава настоящей мануфактуры. Мы творим подлинное часовое искусство. Это даже не перемена, это попытка вернуться немного назад. Я руководил De Bethune в течение пяти лет с 2011-го и до 2015-го, а до того долго дружил с ее создателями, харизматичным предпринимателем Давидом Занеттой и выдающимся часовщиком Дени Флажолле, который остался партнером компании.

— И что вы чувствуете, вернувшись?

— Я пришел в дом, который хорошо знаю, я в нем не чужой. Вдали от него я открыл в себе новую любовь к De Bethune, я понял, что был отравлен благородством. Как можно полюбить другой дом с той же силой? Мы задирали нос, мы задавались, но мы и вправду аристократия часового производства, хотя в Швейцарии нет дворян.

— Где ваш основатель, Давид Занетта, у которого мы с вами однажды гостили в швейцарских горах?

— Давид на пенсии, ходит на рыбалку, занимается своим садом, своей художественной коллекцией. Ему все-таки за 70, он приблизился к тому возрасту, когда хочется покоя, а в часовом деле в последние годы покоя нет никому.

— Кому же теперь принадлежит De Bethune? Вы владелец?

— Владельцев много. Я собрал группу инвесторов, которые выкупили долю Давида и у которых отныне большая часть акций De Bethune. Марка не принадлежит одному человеку, тем более мне. Если уж выбирать какое-нибудь одно имя, то после ухода Давида душа, мозг и руки De Bethune — это Дени Флажолле, наш знаменитый часовщик. И наш деловой партнер. Он проявил исключительную верность марке, целый год работал в нашей мастерской в горах, ожидая новой, лучшей жизни для De Bethune. И многое успел придумать, его идей хватит на ближайшие годы.

— А с какими идеями, с каким новым опытом возвращаетесь в эти горы вы?

— Вот что я знаю теперь точно: как говорят у нас, «деревья не растут до небес». Надо быть гордым и скромным, было бы неправильно превращать De Bethune в «большую марку», пусть она лучше будет маленькой, но бесконечно красивой.

— С чем бы вы сравнили De Bethune? С часовым бутиком-отелем?

— Да! Мы ни в коем случае не будем гнаться за количеством вещей и пытаться сделать тысячи часов, лишь бы побольше продать. Это убило не одну марку. Нет, мы будем развивать очень и очень эксклюзивное производство. Мы останемся в нашем размере, в наших мастерских, в наших горах. Там, где мы начинали.

— Сколько же часов вы намерены выпускать?

— В этом году мы сделаем не больше сотни. В будущем, наверное, 150, а через два года перейдем к 200 экземплярам. И на этом количестве мы остановимся.

— Сколько они будут стоить? Будете ли вы пересматривать цены? И если да, то в сторону увеличения, как в последние годы, или, наоборот, в сторону уменьшения?

— Мы их уже уменьшили. Я считаю правильным отказаться от наценки, которую все вокруг добавляли к своим часам, пользуясь благоприятной конъюнктурой. Мы снизили цены на 25–30%, то есть вернулись к тому моменту, когда De Bethune — это произошло в 2015 году — заработала свою славу и свою финансовую прочность, кстати, вполне заслуженную. Цена наших часов теперь начинается от 30 тыс. швейцарских франков.

— Где вы будете их показывать? Почему в этом году вы выставляетесь не в стенах SIHH, не в Carre des Horlogers, среди других «независимых»?

— Carre des Horlogers — отличное место. Я был там в прошлом году вместе с MCT, я был там три года назад с De Bethune, но я считаю, что нам лучше принимать клиентов в отеле. В Женеве — в Four Seasons, в Базеле — в Ramada. У нас нет цели непременно повидать десять тысяч журналистов и пять сотен деловых партнеров. Это ближе к образу нашей марки, чем «фабрика люкса» на SIHH или Baselworld.

— К чему стремится команда инвесторов De Bethune? Укрепить независимость марки или ее перепродать?

— Мы даже не обсуждаем такой возможности. Продавать De Bethune в ближайшие годы мы не собираемся. Что будет дальше, через пять или десять лет, я не знаю, посмотрим на часы.

Беседовал Алексей Тарханов